

ВАЛЕРИЮС ЧЕКМОНАС

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВ И БИЛИНГВИЗМ (На материале рамашканских говоров)

1. В статье описывается современная социолингвистическая ситуация в северо-восточной части Вороновского р-на Гродненской обл. БССР и по данным устной традиции реконструируются основные этапы ее истории за последние полтора столетия.

Исследуемые говоры расположены в (микро) ареале между д. Бенякбня. Девянишкес, Геранёны, Переганцы, г. п. Вороново (см. карту-схему 1). Далее этот (микро)ареал называется *рамашканским* (д. Геранёны в него не входит).

В 1959 г. литовский говор д. Рамашканы (лит. *Ramaškónys*) обследовал Й. Шукис. Уже тогда в Рамашканцах и окрестных деревнях литовский не был языком повседневного общения. „Семей, в которых дома разговаривают по-литовски, мало, хотя почти все жители старше 30 лет умеют говорить по-литовски или, по крайней мере, понимают этот язык“; основным языком населения стал белорусский и, по мнению Й. Шукиса, „только в приостановленных селах и бывших имениях в большей степени распространился польский“ (Шукис, 1960, с. 177). В ноябре 1977 г. нами были сделаны магнитофонные записи местной литовской, белорусской и польской речи в д. Станиши (лит. *Stan'žyž*) и Тусаманцы (лит. *Tusamon'ys*)¹. В июле-августе 1983 г. проведено сплошное

¹ Литовские названия деревень и цитаты из магнитофонных записей даны в транскрипции. Слоговые интонации в говоре весьма часто не имеют фонологического значения. Отдельные информаторы (особенно из д. Станиши и Тусаманцы) спорадически произносят краткие ударные (обычно в конце слов), а также интонации /' / и / ~ / на дифтонгических сочетаниях. Характерно, что название *Tusamon'ys* все информаторы произносят с кратким /ū/. Ударные краткости и слоговые интонации часто появляются в словах под эмфазой и используются для реализации определенных фразовых контуров. Такое же наблюдается и в белорусской речи информаторов (особенно тех, кто перешел на белорусский уже в зрелом возрасте). Монофонги в литовской диалектной речи акцентированы в соответствии с традицией с целью сделать их более доступными для читателя.

В литовских текстах знаком /æ/ обозначается /e/ более широкое, чем в литературном языке (у большинства информаторов это просто /a/); точка вверху после согласного указывает на невеляризованный характер твердых шипящих и /r/; знаком /ə/ отмечается краткий редуцированный /a/; /ɛ/ обозначает звук среднего ряда среднего подъема (типа русского или белорусского /e/).

Безударные долготы для говора нехарактерны. Ударные гласные по длительности подобны белорусским ударным. Клитики ударения обычно не имеют; с долгим /ā/ спорадически люди старшего поколения произносят притяжательное местоимение -ta 'mano'.

обследование деревень рамашканского ареала (все они указаны на карте-схеме 1, где названия их даны по-белорусски). В ходе экспедиции получены магнитофонные записи всех местных говоров общим звучанием более 12 ч. Многие носители говоров опрашивались по специальной программе с целью выяснить их понимание современной социолингвистической ситуации в этой местности и ее истории. Статья написана на основе указанных материалов и предваряет исследование процессов языковой интерференции в этом районе литовско-славянского пограничья².

2. В настоящее время в Рамашкансах по-литовски говорят 12 чел., из них 6 — свободно. Самому младшему носителю литовского говора 52 года. Только З. Войшнис-Валыцкая (60 лет) считает, что по-литовски ей говорить легче, чем „по-просту“ (т. е. на местном белорусском говоре). В обыденной обстановке, в семье по-литовски говорят З. (1916 г. рожд.) и А. (1909 г. рожд.) Войшнисы. Богата литовская речь С. Дудович (1910 г. рожд.), „исполнительницы“ многочисленных записанных нами рассказов. У остальных 6-ти говорящих по-литовски знание языка варьируется от умения вести несложный диалог до умения строить отдельные простые фразы (при хорошем понимании диалектной речи).

Основным языком деревни является местный белорусский говор — „просты языка“. Интересно отметить, что этот населенный пункт в 1953 г. был обследован по программе ДАБМ (1963, с. 59, п. 147), причем белорусскиеialectологи уже тогда не заметили в нем литовской речи.

Все старшее население Рамашканцев в той или иной степени знает польский. Для них он прежде всего является языком вероисповедания: основные молитвы и катехизис были заучены ими по-польски еще в детстве, многие из них исповедуются по-польски. Практическому знанию языка они обязаны польской школе предвоенного периода, когда Виленский край и западная Белоруссия входили в состав буржуазной Польши, и общению с местными носителями польского языка. Такова в общих чертах языковая ситуация в Рамашканцах, которые Й. Шукис назвал в 1959 г. „самой литовской деревней“ из всего литовскоязычного островка этой части Вороновского р-на.

В д. Станишы (лит. *Stan'is-žil*) все местные уроженцы старше 60 лет ($\approx$ 15 чел.) говорят по-литовски, но только в семье Б. и В. Уткевичей это язык повседневного общения (причем В. Уткевич не местная). Б. Уткевич (1910 г. рожд.)

² О литовском говоре д. Рамашканцы см.: (Zinkevičius, 1966, p. 26 и карты). История изучения языковой и этнической ситуации в этом районе Виленщины рассмотрена в работе (Lipskienė, Vidugiris, 1967, p. 183–187). Социолингвистическая ситуация, подобная рамашканской, описана А. Видутиричем (1959, p. 195–213). Особенности литовских говоров к юго-западу от Воронова рассматривались О. Броком (1958, с. 1–71). Об этнических отношениях в Виленском kraе см.: (Видутирис, Климчук, 1978, с. 10–35; Гаучас, Видутирис, 1983, с. 26–73). Языковая ситуация в островных литовских говорах на территории Белоруссии в общих чертах описана Т. М. Судник (1975, с. 3–22, 102–104, 143–146).

О юго-западных, южных и восточных границах этнической Литвы в позднем средневековье см.: (Ochmański, 1981).

является подлинным хранителем местной „литовской традиции“, хорошо знает историю своего края и превосходно владеет белорусским и польским говорами. Б. (1910 г. рожд.) и М. (1908 г. рожд.) Синицкие свободно говорят по-литовски, но в семье им не пользуются; в речи М. Синицкой очень хорошо представлена традиционная фонетика литовского говора (почти в таком состоянии, какой ее описал И. Шукис). Остальные жители Станишёй по-литовски общаются между собой спорадически, в редких случаях (когда они одни, вспоминают прошлое, „работают“ наialectологов и под.). Обычным языком общения здесь является „просты“; старшее поколение, как и в Рамашканцах, знает польский (одними из лучших носителей польского говора являются те же Синицкие).

В соседних со Станишами Тусаманцах (лит. Tūsamon'ys) двое могут говорить по-литовски, а 6—7 человек знают этот язык на уровне слов. В качестве примера последней категории носителей литовского говора можно привести Гольцу Казарову (63 года). Она практически свободно называет по-литовски показываемые ей объекты окружающей среды (*žmōgu*, *tvorā*, *l'iepa*, *úžolas*, *b'áržas*, *m'ādz'us* ‘лес’, *kárv'z*, *av'is*), предметы домашнего обихода (*píodas*, *lóva* ‘скамейка’, *sámc'is*, *lalá* ‘кукла’), части тела (*gálva*, *rañkà*, *kója*, *ak'is*, *aus'is*, *nós'is*, *danc'is*, *p'iñštas* и т. д.), помнит наиболее употребительные глаголы, может их назвать в инфинитиве, иногда в иных формах (*š'ak'z*, *suñku*, *dud'án'c*, *l'ietuv'išk'i*, *važóč*, *važóju*, *g'iedóč*, *àš éipù*, *àš rag'ù*, *atn'āšk díunos*, *v'āšk kárv'i*, *n'āšk díonus*). Беглую литовскую речь понимает с трудом. Посещала польскую школу, охотно говорит на местном польском говоре, обычным языком общения для нее (как и для всех жителей ареала) является „просты“.

По степени сохранности литовского говора к перечисленным деревням примыкают д. Навасяды (лит. Navas'édai) и Билёнцы (или Билёны, лит. Bil'únai). В первой из них монологи по-литовски (хотя и с трудом) может произносить И. Михневич (1913 г. рожд.); всего же в деревне по-литовски бегло говорят человека четыре.

В Билёнцах единственным носителем живой литовской речи является Бронислава Микольч (1912 г. рожд.); человек пять-шесть в этой деревне, по ее словам, еще помнят литовский, но уже давно не говорят на нем.

В небольшой деревенке Стилгүны (лит. S't'ilgúnai), расположенной рядом с Навасядами и Рамашканцами, четверо еще могут говорить по-литовски (все старше 70 лет: Э. и С. Лилейки, А. Зданович, Л. Каравель, ее брат А. Каравель). Перечисленные выше населенные пункты (Рамашканцы, Станиши, Тусаманцы, Навасяды, Стилгүны, Билёнцы) образуют в нашем ареале основную зону по степени сохранности литовского говора (см. карту-схему 1).

В Билях (лит. B'il'ėi) последним носителем литовской речи является А. Скиртун (70 лет)³, в Пáрабишиах (лит. Párab'išk'ës) — В. Мелько (73 года),

³ Жители этой деревни называют еще фамилии некоторых стариков, якобы говорящих по-литовски, однако все они или уже окончательно забыли этот язык, или же упорно не хотят говорить на нем.

в Дайнавé (лит. Daūnava) – И. Мелько (72 года), в Ромутих (лит. Romūc'ëi) – К. Мицкевич (73 года). В Дайнаве литовский помнит еще В. Ясюкайць, но он „активно“ не желает говорить на этом языке.

В Даукшáнцах (Даукшáнах), Германíшках, Валóткишках и Перегáнцах нам удалось разыскать стариков, которые уже лет по 60–70 не говорят по-литовски. Они с трудом вспоминали отдельные слова, с еще большим трудом строили словосочетания. С. Вóйшиц (85 лет) из Перегáнцев, напр., сумел воспроизвести около 100 слов, хотя среди них были такие „литовские“ слова как *ūšas* ‘ухо’, *s'c'ánas* ‘стена’, *in v'iganu* ‘на выгон’, *réik'a rubác vóžolu* ‘надо рубить дуб’ и даже *kur tu g'iv'ān'iš* ‘где ты живешь?’, *kū tu dárbaš* ‘что ты делаешь?’ В детстве он говорил по-литовски только с отцом (/mátką гудáшка была/). В названных деревнях есть люди, которые утверждают, что никто никогда здесь не говорил по-литовски. Такого рода утверждения не всегда продиктованы желанием скрыть правду, но свидетельствуют о давней слабости литовской традиции, о том, что она поддерживалась узким кругом лиц в узком кругу родственников и знакомых.

Наконец, четвертый слой в нашем ареале составляют деревни, где старшие люди просто помнят, что их деды или отцы говорили по-литовски (Базылý, Винцукý, Батракý), или же сами в детстве они могли говорить на этом языке (Маркбóвцизна). В остальных деревнях, отмеченных на карте-схеме 1 (Слéзках, Пашéлях, Ягéлах, Шашкáх, Сéдлиске, Лингáх, Пóлипнице), устная традиция не сохранила сведений об их литовском языковом прошлом (его или не было, как в Сéдлиске, основанном переселенцами, или же оно восстанавливается по ономастическим данным).

Таким образом, летом 1983 г. в рамашканском ареале местный литовский говор преимущественно использовался в одной семье, иногда к нему прибегали в другой, один человек считал его своим основным языком, около десятка могли довольно уверенно беседовать на нем; этот говор перестал фактически быть средством общения и доживает свои последние годы в памяти отдельных людей в виде их пассивного языка.

Основным языком населения во всем ареале является местный белорусский говор, или „просты язык“. В Бýржиниках, в Конвéлишках, Ромутих, Кавалéвцизна и Германíшках есть семьи, в которых старшие люди обычно между собой общаются на местном польском говоре. Деревень, в которых бы все население говорило по-польски, здесь нет и не было. Большинство представителей старшего поколения во всем рамашканском ареале в той или иной степени владеет польским, но разговаривает на этом языке в редких случаях. Вообще в данном ареале старшее поколение по языковым признакам представлено тремя группами.

Первую образуют остатки исконного литовскоязычного населения с основным „простым“ языком, (пассивно в указанном выше смысле) владеющие литовским и говорящие по-польски.

Вторая (основная по количеству) представлена белорусскоязычным населением, в разной степени владеющим польским.

Третью составляют лица, считающие себя польскоязычными („языковые поляки“); основной язык у них также „просты“, но польский они знают лучше и говорят на нем чаще, чем представители первых двух групп.

Очевидно, как и в других местностях литовско-славянского пограничья, литовский говор в рамашканском ареале вытеснялся и вытесняется белорусским; польский же по отношению к ним является адстратным и не участвует в процессе их взаимодействия. Как показывают собранные нами материалы, это в общем верно для внешнего наблюдателя, оперирующего относительно большим промежутком времени. Для носителей же самих говоров (внутреннего наблюдателя) механизмы взаимодействия указанных говоров представляются несколько иными. Опираясь на их суждения и наблюдения при анализе динамики социолингвистической ситуации в рамашканском ареале, мы стремились экспериментально верифицировать основные звенья теоретического построения, каким является любая историческая реконструкция.

3. По рассказам жителей деревень основной зоны, в начале века литовский был здесь преобладающим языком общения для всего старшего населения и для них самих. По словам Й. Смалы (73 года, Тусаманцы), природного наблюдателя и „стихийного социолингвиста“, /maži ir s'en'i žmón'ės c'ik kal'b'ėjo l'ietūviškai / mano t'ėvas su mōc'ina c'ik l'ietūv'iškai / āni.s gùg'iškai n'ekal'b'ėjo / s'en'i žmon'ės...ān'i.s jājgu sus'ic'iška txi c'ik kal'b'ėjo l'ietūv'iškai / ‘малые и старые (люди) говорили только по-литовски, они по-просту не говорили; старые люди только по-литовски говорили, когда встречались друг с другом’.

Абсолютное большинство исконных литовцев было двуязычным и свободно владело белорусским говором. Теперешние старики усваивали оба эти языка одновременно, причем не исключено, что дома они слышали преимущественно литовскую речь. З. Войшик-Валицкая (Рамашканцы) утверждает: /māno t'ėvaī s'ilpn̄eī gùg'iškai kal'b'ėjo / odar aňks'c'aū (žmonēs) n'etok'ėj gùg'iškai / ‘мои родители плохо по-просту говорили; а еще раньше (люди) не умели по-просту’. Этап литовского одноязычия, похоже, нашими информаторами реконструируется, сами они его не помнят, но существование его подтверждается тем, что в редких случаях родители современных старииков совершенно не говорили по-просту; об этом рассказывает Б. Уткевич: /ma māma k'itēir n'egal'ėjo / c'ik l'ietūv'iškai / aňtra kaft bobut'ė buvo v'ėdus / žmog'ėlis gùd'iškai jis kal'b'ėjo / iš jo mok'ināūs / ‘моя мать по-другому не умела, только по-литовски; бабушка второй раз вышла замуж, ее муж только по-просту говорил, от него научилась’. Отдельные бабушки и женщины, в начале века говорившие только по-литовски, были в этих деревнях своеобразными раритетами, раз это врезалось в память тем, кому тогда было меньше десяти лет (ср.: /mā bobut'ė n'etok'ėj gùd'iškai n'ei l'āňk'iškai / t'ik l'ietūv'iškai / ‘моя бабушка не умела ни по-просту, ни по-польски, только по-литовски (А. Мукледа, 1904 г. рожд., Станишы).

Для детей основным языком улицы в начале века был белорусский: /o tarpušav'i vajkai dažn'aūs'ei kal'b'ėdavo gùg'iškai / ‘а между собой дети го-

ворили по-просту' (З. Войшнис-Валицкая). По всей видимости, такое распределение функций между литовским и простым было довольно устойчивым.

Польский в рассматриваемых деревнях в начале века занимал очень скромные позиции. Во-первых и прежде всего это был язык вероисповедания: / spāv'ēz'in ēnam pa pōl'sku / n'iēkas n'ēmok'īno pa l'ietūv'išku / 'исповедуемся по-польски; никто не учил по-литовски' (М. Синицкая, Станишы). В повседневной жизни польским не пользовались, поскольку / l'ājk'iškai tai iš v'iso n'iēkas n'ēmok'ēj 'по-польски вообще никто не умел' (Б. Уткевич). Интересно, что та самая бабушка А. Мукледы, которая говорила только по-литовски, / pōt'ēg'us kal'b'ēj lājk'iškai / 'катехизис знала по-польски'. В качестве языка церкви польский, видимо, не был серьезным инструментом полонизации сельского населения.

Более важную роль в распространении польского языка играли поместья, на что обратил внимание Й. Смала: / dvaruosā būvo pōnai daug'āus'ēi l'ājkai / tai kū...būvo arc'āū dvarū / tai jāigu su pōnu n'ēkalb'ēs'i l'ājk'iškai / tai ānas tāu n'iēko n'ērad'ēs / o jāigu l'ājk'iškai kalb'ēs'i / to ānas v'isadōs tau pād'ēda / ot kur'iē kaimēi būvo arc'aū dvarū / c'i mūs'ijo bājk', kal'b'ēc' l'ietūv'iškai / o kal'b'ēc' l'ājk'iškai / o štai pas mūs dāuk v'īetu i'rā kū c'ik... l'ietūv'iškai n'ēkaiba / l'ājk'iškai c'ik / 'в поместьях были паны в основном поляки; где было ближе к поместьям, то если с паном не будешь говорить по-польски, то он тебе ни в чем не поможет; а если будешь говорить по-польски, то он всегда тебе поможет; которые деревни были ближе к поместьям, те вынуждены были перестать говорить по-литовски, а говорить по-польски; вот почему у нас много мест, где только... по-литовски не говорят, только по-польски'.

В основной зоне поместий фактически не было; те же деревни, в которых некоторые жители считают себя польскоязычными, или примыкали к поместьям (Биржинишки, Базыли), или же выросли на основе поместий (Конвэлишки).

В бывших шляхетских деревнях (типа Кавалéвщины) польский не был единственным и даже основным языком, как иногда склонны уверять их жители. Часть населения этих деревень являются потомками обедневшей шляхты, дробившей свои земли. Ни предки обедневшей шляхты, ни сама она никогда не были полностью полонизованы, поскольку они жили бок о бок с крестьянами.

Несомненно, польский и до первой мировой войны для населения рамашканского ареала был языком высокопrestижным. Это четко понимают наши информаторы: / (польский) p'ar bañ'īča pl'ito ir p'ar pōnus / kun'igaī m'ēl's'c'is v'ēt'ē l'ājk'iškai / ir v'ēl' ūmón'ēs abdaīro / pōnas graž'ēi aps'igēj'is ir ūtar'īja pa pōl'sku ir m'isl'īja sau ir aš / nors es n'ē t'ēr būs'u graž'ēi aps'igēj'is al'ē / pa pōl'sku ūtarlys'u, ir aš būs'u padābnais iŋg'i pōnu / ūmón'ēs prad'ējo ir l'aztūv'iškai pam'ifš' / prad'ējo l'ājk'iškai tai gūg'iškai kalb'ēc' / '(польский) распространялся благодаря церкви и панам; ксендзы молились заставляли по-польски; а люди видят — пан хорошо одетый и говорит по-польски и думают себе — и я; хоть я и не так хорошо буду одетым, но по-польски буду говорить, и я

буду похож на пана; и начали люди забывать литовский, начали по-польски и по-просту говорить' (З. Войшнис-Валицкая). Обращает на себя внимание то, что, судя по этому рассказу и по замечаниям Й. Смалы, польский распространялся прежде всего за счет литовского; к простому польский был более „терпимым“, что легко объясняется двуязычием основных носителей польского, и видимо, относительной близостью простого и польского. Как будет показано далее, и в настоящее время некоторые местные жители не считают эти языки совершенно разными; основанием для этого является не только их подобие, но и четкое разделение функций между ними.

В общем же, судя по приведенным данным, социолингвистические функции литовского, белорусского и польского в деревнях теперешней основной зоны были распределены следующим образом:

Ситуация 1

Говор/язык	Поколение	Язык семьи	Язык улицы (неофици- альная, обще- ния)	Язык внеш- него (офи- циальн.) общения	Язык конфес- сии	Язык школы, адми- нистрации, армии
Литовский	Старшее		+	+	(+)	-
	Младшее			(+)	(+)	
Просты (бе- лор. говор)	Старшее	(+)	(+)			
	Младшее	(+)	+		-	-
Польский	Старшее		-	-	-	(+)
	Младшее			-	+	
Русский			-	-	-	+

Скобки в таблице указывают на относительно меньшую распространенность того или иного языка в соответствующей функции⁴. Как видим, литовский и белорусский в этой ситуации противопоставлены как язык семьи языку внешнего (официального, междеревенского) общения, но это противопоставление не абсолютно, поскольку оба они могли выступать в обеих указанных функциях. Для старшего поколения начала века литовский был основным языком внутридеревенского (уличного, неофициального) общения, для младшего же в этой функции выступал просты. Польский противопоставлялся литовскому и простому как язык конфессий — светским языкам; это был также язык школ и школок при костелах, в которых учились дети мелкой шляхты. Русский, в качестве государственного, находился вне рамок этих противопоставлений, описывающих основные сферы общения сельского населения; как язык школы и армии он также оказывал очень незначительное

⁴ Разумеется, сферы **употребления** и функции говоров строго, т. е. абсолютно, не разграничены, см.: (Судник, 1975, с. 124). О социальных функциях языка и сферах его использования см.: (Швейцер, Никольский, 1978, с. 90—94).

влияние на основные языки ареала, хотя этот вопрос нуждается в дальнейшем исследовании.

В деревнях, где теперь не говорят по-литовски, ситуация была несколько иной. В части из них старики говорили по-литовски только между собой. Так, в Рамуцях / дз'эці ‘аварыл’і па б’эларуску / а старыі да старых прыдуд’ ‘авбарац’ па л’ітойску / (К. Мицкевич). К. Мицкевич из Дайнавы утверждает: / s'an'i c'ik l'ietuv'iškai kal'b'žjo i pa prōstu / māno t'žvai (tarp saves) c'ik l'ietuv'iškai kal'b'žjo / o ing'i mus jau kal'b'žjo pa prōstu / ‘старики только по-литовски говорили и по-просту; мои родители (между собой) только по-литовски говорили, а к нам уже обращались по-просту’. То же самое рассказывает и Ч. Казак из Маркёвщизны: / ‘аварылі па л’ітойску моя бац’ка і матька і ўс’э / маладыіа мы ўжо начал’і падрасташ’ / зачал’і па польску... на л’ітойску мы ўжо ўн’імай’іа н’э абрашчал’і / хватал’іс’ па польску / пойдз’ыш да кас‘ц’ола / там і с тым і с тым ужо мы начэ па польску ‘аварыл’і / а па дз’эрэв’энск’і јак м’эжду сабоі м’эсныіа / тò па прости / а ўжо іжк выйдз’иш дз’э / васэл’а / ужо па польску /. Как видим, информатор четко понимает, где на каком языке „говорить прилично“. Из его рассказа следует, что в деревнях данного типа функции литовского языка оказались суженными: в качестве языка семьи он был потеснен простым, а как язык внешнего общения — польским. В результате сложилась ситуация 2:

Ситуация 2

Говор/язык	Поколение	Язык семьи	Язык улицы (неофици- альн. обще- ния)	Язык внеш- него (офи- циальн.) общения	Язык конфес- ции	Язык школы, адми- нистрации, армии
Литовский	Старшее	+	(+)	(+)	-	-
	Младшее	(+)	-	-	-	-
Просты (бе- лор. говор)	Старшее	(+)	+	+	-	-
	Младшее	+	+	+	-	-
Польский	Старшее	-	-	-	+	(+)
	Младшее	-	-	(+)	+	(+)
Русский		-	-	-	-	+

Из внутрисемейного литовский вытеснялся двумя способами. Если оба родителя были литовцами, то они просто переставали обращаться к своим детям по-литовски. Это подчеркивалось в рассказах буквально каждого информатора, говорившего на данную тему, напр.: / (дед) разговаривал па л’ітойску / мы был’і јашчо мальэн’к’іэ / а ан’і зыјдуцца / штоб дз’еци н’э панімалі / так јаны па літоуску / маја бацка можа јані н’э граматычн’е наварыла / нò па літойску / са мню не наварыла / ні слова н’е панімай / (В. Мицкевич, 1911 г. рожд., Базылі).

В смешанных семьях супруга-белоруска ни в одном из известных нам случаях не научилась говорить по-литовски. Более того, обычно женщины

очень отрицательно относятся к литовскому своих мужей, редко его понимают, и всегда злятся, когда при них говорят по-литовски. Мы наблюдали это в настоящее время, так было, судя по рассказам информаторов, в прошлом. Кстати, мужчины-белорусы к литовскому языку своих жен относятся более терпимо.

Сужение функций литовского говора приводило к укреплению позиций простого языка, даже если это сужение шло за счет расширения функций польского. Таков был, видимо, основной механизм стихийной белорусизации исконного литовскоязычного населения в этом крае.

4. Социолингвистическая ситуация в Рамашканском ареале резко изменяется после присоединения к Польше бывш. Виленского края и Западной Белоруссии. Казалось бы, смена государственного языка не должна была быть сильно повлиять на перераспределение внутренних функций литовского и простого говоров. Однако эта смена знаменовала собой начало периода целенаправленной и интенсивной полонизации местного населения, что не могло не сказаться на статусе и функциях местного польского говора, который отныне становится действенным фактором преобразования традиционного для этого края социолингвистического „ландшафта“.

Польский насаждался и распространялся по трем каналам, два из которых действовали и раньше. Прежде всего, активизировал свою деятельность костел; во-вторых, после открытия начальных школ на польском языке и введения обязательного начального образования очень возрос престиж той части населения, которая и до этого была ориентирована на польский (часть жителей шляхетских деревень, прикостельных сел и проч.). И обстоятельства сложились так, что основным „лингвистическим противником“ польского оказался прежде всего литовский.

Для этого было несколько причин. Во-первых, как мы уже знаем, в рамках ситуаций 1 и 2 литовский был немаркированным, социально „слабым“ языком. Во-вторых, сторонниками и непосредственными проводниками политики полонизации на местах оказались лица, для которых местный просты язык был, фактически, основным языком. Наконец, необходимо учесть, что оккупация бывш. Виленского края породила очень напряженные отношения между буржуазными Литвой и Польшей. Все это вместе взятое привело к тому, что в Рамашканском ареале сложилась атмосфера чрезвычайно неодобрительного отношения к местному литовскому говору, и это имело очень важные последствия для его дальнейших судеб.

Наши информаторы помнят, как в начале 30-х гг. в костелах часто звучало позорно-знатенитое: / ȝ'i vas n'etm̄ka k'it̄eir c'ik pa p̄ol'sku / ‘бог не понимает по-иному, только по-польски’ (З. Войшнис-Валицкая)⁵. Б. Утке-

⁵ Проводиться в жизнь эта идея начала гораздо раньше, еще в конце XIX—начале XX в., о чем есть сведения в периодической печати того времени (см., напр., Viltis, 1911, Nr. 93 (578), где приводится следующая фраза местного жителя из-под Асавы, ныне Вороновского р-на: „Pan Jezus pa litousku nia havariu, ale pa polsku“).

вич о периоде оккупации рассказывает: / p'at̪ g'vld'ēš·imt m'ātu l'ānkai īkal̪ ūžmón'ēm galvōn kad l'ietūv'u kalbà jirà chāmu kalbà / b'ēdiēv'u kalbà / maldōs d'lēvas n'ēišklaus'is l'ietūv'iškxi / 'за двадцать лет поляки вбили людям в голову, что литовский язык некультурный, язык хамов, язык безбожников; бог не выслушает молитву по-литовски'.

О непосредственном отражении политических событий на ситуации в нашем ареале можно судить по следующим замечаниям: /dз'aróyn'a Béli былó Kójno / зváli Káunaс / a c'z l'ānk'ija jau bùvo Kaulál'išk'és (Конвэлишки) l'ānk'išk'xi kaiba to varšav'ák'i / пал'ákí знáчы / nu i vaјaváлі Kójna z Varšawaј / (A. Скиртун).

С возрастанием темпа полонизации старшее поколение жителей в деревнях не основной зоны окончательно отказывается от литовского; своих детей здесь охотно посылают в польские школы, и сами стараются как можно чаще говорить на нем в сфере официального общения. Однако основным языком этих деревень по-прежнему остается белорусский: / a па пól'sku пры Пól'shchy маладz'óж гаварыла на јакіх сабрáníях бывáла і стárшица л'údzí па пól'sku разгавáрываі / a маладz'óш асóб'енна ёс'лі на м'астéчк'э там / у кас'ц'блé ўстрэчáјуца тóл'k'i па пól'sку / a ў дамý па прóсту / а ўстрóціць дзе нíбúц' с чалавéкам / па пól'sku разгавóр / з бац'kámі па прóсту ў кáждым дамý / у сам'ji ўс'о па прóсту / (B. Мицкевич, Базылій). Таким образом, в этих деревнях складывается ситуация 3 (см. ниже), а польский и белорусский оказываются в отношении дополнительного распределения. Генетическая близость этих языков, зарождающееся чувство польской национальности (о чем далее), а также тенденция к дополнительному распределению их функций порож-

Ситуация 3

Говор/язык	Поколение	Язык семьи	Язык улицы (неофици- альн. обще- ния)	Язык внеш- него (офи- циальн.) общения	Язык конфес- сии	Язык шко- лы, адми- нистрации, армии
Литовский	<i>Старшее</i>		—	—	—	—
	<i>Младшее</i>		—	—	—	—
Прóсты (бе- лор. говор)	<i>Старшее</i>		+	+	(+)	—
	<i>Младшее</i>		+	+	+	—
Польский	<i>Старшее</i>		—	+	(+)	+
	<i>Младшее</i>		—	+	+	+

дали идею принципиального тождества этих языков. Иными словами, ситуация 3 несет в себе явные зачатки диглоссии⁷. Не исключено, что именно стихийная диглоссия такого типа и предохраняла прóсты язык от его полного

⁷ О понятии диглоссии см.: (Успенский, 1983, с. 3–8).

вытеснения польским на территории балто-славянского пограничья (Вярэнич, 1973, с. 5–22).

Содержательно данная ситуация значительно богаче ее схематического представления. Утрата литовским социолингвистических функций не означала его немедленного исчезновения; в качестве языка внешнего общения по-прежнему широко используется прости, здесь только существует тенденция к его ограничению и т. д. Схема описывает некое „усредненное“ состояние, которое открывается наблюдателю, учитывающему основные тенденции динамики ее развития, она как бы предвосхищает возможное будущее. И, самое главное, следует еще раз обратить внимание на то, что политика полонизации сильно отразилась на положении литовского говора, но пока не затронула прости, который сохранил практически все свои прежние позиции, а может, в рамках зарождающейся диглоссии, даже укрепил их.

В деревнях основной зоны социолингвистическая ситуация была более сложной. Поскольку литовским здесь владели практически все, то распространение польского не могло сразу же привести к становлению ситуации 3. Кроме того, в это время здесь открываются первые литовские начальные школы и клубы-читальни, организуемые приезжими членами просветительских обществ.

Знакомство с литовской письменностью, литературным языком, элементами национальной культуры привело к подлинному взрыву национального самосознания в этих деревнях. По словам В. Мукледы (Станишы), /ik'i tr'izd'ẽš'imtu m'õtu pas m'õt̩ c'x bùvo mäža (lenkç) / bùvo l'ietuv'u / b'et m'ës dar n'ë sugalvójom kas tñi rójš'x l'ietuv'eí / 'до тридцатых годов у нас было мало (поляков), были литовцы, но мы еще не понимали, что это значит литовцы'. Зарождение литовского национального самосознания было несомненным вызовом и противовесом политике полонизации. Так понимала его польская администрация, преследовавшая деятельность литовских просветительских учреждений со всеми вытекающими отсюда последствиями (все старики охотно рассказывают о том, как в читальнях / /l'aŋkai lángus gür'ino / 'поляки окна выбивали'), так понимали его и сами местные жители: /al'ë mus p'õers'ëk'ojo uš tñi / kad m'ës viſtum l'aŋkaïs / al'ë n'ëj tñas n'ëj š'as / š'ëjtmđi t'ëvas l'ietuv'iškai kaiba / motkà... v'isà š'ëimà / 'но нас преследовали, чтобы мы стали поляками, но ни то, ни се: в семье отец по-литовски говорит, мать... вся семья'. Литовские школы к 1937 г. были закрыты, / al'ë jaun'imas jøu pr'il'ipõm... / jøu m'õs n'ë pr'v'õers ing'i l'aŋku / 'но молодежь, мы уже (к школам, к языку) прилипли... нас уже не превратят в поляков' (В. Мукледа).

Столкновение процессов полонизации и становления литовского национального сознания привело к глубокому расколу деревенского общества. Часть его приняло официальную линию поведения и начало отказываться от использования — по крайней мере публичного — литовского языка, что приводило к зарождению в соответствующих деревнях основных элементов ситуации 3. Другая же часть населения активно воспротивилась полонизации,

почувствовав себя литовцами: / m'iest'āl'i pasrōd'is'i kat l'ietūv'ēi būvo g'ēda / sarmatā / ... / o [kāp ac's'idār'ė (mokylos) suv'ēinam pas v'ienu k'ītu / sustojojom / sāvo rat'āl'i padārom ir kaībam l'ietūv'iškai / tai k'ic'i p'iřtai(s) bād'ė / to l'ic'v'in'i ps'a kréf ich / 'в местечке показаться, что литовцы, было стыд, срам; ... а когда открылись (школы), сойдемся вместе, свой кружок сделаем и говорим по-литовски; а иные еще пальцами тычут — это литовцы, пся крев их' (Б. Мукледа). В Рамашканцах и других деревнях, по словам этого же информатора, / ixi... buvo n'z l'aŋkū / b'et l'ietūv'u / 'уже... были не поляки, а литовцы'.

Отставание позиций литовского языка не приводило к возникновению принципиально новой ситуации, но означало модификацию ситуации 1: прости в ней оставался по-прежнему основным языком общения, литовский стал языком школы (наряду с польским), а польский несколько расширил свои функции, „пробиваясь“ в сферу внешнего общения (ситуация 1a).

Ситуация 1a

Говор/язык	Поколение	Язык семьи	Язык улицы (неофициальн.) общечения	Язык внешнего (официальн.) общения	Язык конфессии	Язык школы, администрации, армии
Литовский	<i>Старшее</i>		+	+	-	-
	<i>Младшее</i>		(+)	-	-	(+)
Прости (без лор. говор)	<i>Старшее</i>	(+)		+	-	-
	<i>Младшее</i>	(+)		+	-	-
Польский	<i>Старшее</i>		-	-	-	
	<i>Младшее</i>			(+)	+	+

Фактически эта ситуация описана З. Войшнис-Валицкой: / kāp atāj l'aŋkaī mok'iklos buvo l'aŋk'iškos / it v'isùs vaikùs l'aŋk'iškai mok'ino / o pamō atēina su t'ēvaīs l'atūv'iškai kaība / o išēina mok'iklon l'aŋk'iškai / o tarpušav'i vaikaī dažn'aus'ēi kal'b'ēdavo gùž'iškai / 'когда пришли поляки, школы были польские; и всех детей учили по-польски; а домой придут — с родителями по-литовски говорят, уходят в школу — по-польски; а между собой дети чаще все-го говорили по-просту'.

Зарождение литовского национального самосознания и знакомство с литературным литовским языком имело огромное значение для рамашканского литовского говора. Все жители этого ареала, ныне говорящие по-литовски, закончили два-три класса литовской школы, посещали литовские читальни, родственники их выезжали на работу в Вильнюс, теперь многие из них имеют тесные „родственные“ связи с Литвой, некоторые выписывают литовские периодические издания, читают литературу. Из литературного языка в говор было заимствовано много слов, а немало диалектных слов приобрели новые, литературные значения. На фонетику и морфологию говора

литературный язык не оказал глубокого влияния, но большинство наших информаторов может при необходимости несколько „олитературивать“ свой язык и в этом отношении.

5. Решающее значение для судеб местного литовского говора и, следовательно, для социолингвистической ситуации в ареале вообще, имели годы второй мировой войны. Как известно, в этих краях действовали отряды польских националистов – „белых партизан“. Люди хорошо запомнили их враждебные действия против местного населения. Об этом рассказывали буквально все информаторы, мы приводим только один из таких рассказов: / p'ęg kāra l'aŋkai labaĩ blogaĩ su l'ietūv'ëis ə̄l'g'ës'i / bal't'iéjì bùvo l'aŋkū partyzänā / labaĩ kaŋk'ino ir mÙš'ë ir v'ësa at'iñdë iš l'ëtuv'ë / pas mÙs v'ësus rÙbus àt'ëmë / ... / gal'ù sak'ic' kat kôžnunëkc' atëina ir kôžnu nëkc' ko tai gëñda pažimc' / ir dar pr'igëñz'ina ir mÙša ir šaudo / su l'atùv'ëis t'ëp däg'ë / ... / niugz'in'ëjo kurä nušauz'ic' kurä aргыñkc' su kurù ir kas padar'ëc' p'il'äck'is kùn'igas / 'во время войны поляки очень плохо обращались с литовцами; были белые партизаны польские, они очень мучили и били литовцев, и все у них отнимали; у нас всю одежду забрали; могу сказать, каждую ночь приходили и находили, что взять; и еще пугают, и бьют, и стреляют, вот так с литовцами обращались; указывал, кого застрелить, кого обобрать, как с кем обойтись ксендз Пиляцкий' (из Германышек) (З. Войшнис-Валицкая).

В годы войны поэтому / kurëj dar ir mok'ëjo l'ietùv'ëskai kalbëc' / tai is'ižad'ëjo / sãk'ë kat_aš_n'ëtòku ir aš n'ë l'ietùv'ës / dañk tók'u bùvo žmon'ë / 'которые еще и умели по-литовски говорить, так отказались; говорили, что я не умею, я не литовец; много было таких людей' (З. Войшнис-Валицкая). Следовательно, в литовских деревнях основной зоны складывалась ситуация типа 3, с той разницей, что литовский, утрачивая свои функции, становился языком пассивным, а польский в условиях гитлеровской оккупации не мог расширить сферу своего функционирования.

6. После Великой Отечественной войны возникли все условия для восстановления в рамашканской зоне ситуаций типов 1 и 2, в которых функции сосуществующих говоров не были бы резко разграничены, и основной язык для каждой из групп населения стал бы этноопределяющим. Но события прошлых лет не прошли бесследно. Литовский стал не этноопределяющим, а просто малораспространенным языком группы населения старшего возраста. Значительно уменьшилось количество местных жителей, которые считали себя польскоязычными после „репатриации“ части населения в Польшу. По этой причине польский также стал практически пассивным языком старшего поколения жителей во всех сферах, кроме конфессиональной. В результате сложилась ситуация 4, „продвинутый“ вариант которой мы и наблюдаем в настоящее время:

Ситуация 4

Говор/язык	Поколение	Язык семьи	Язык улицы (неофици- альн. обще- ния)	Язык внеш- него (офи- циальн.) общения	Язык конфес- сии	Язык шко- лы, адми- нистрации, армии
Литовский	<i>Старшее</i>	((+))	—	—	—	—
	<i>Младшее</i>	—	—	—	—	—
Белорусский	<i>Старшее</i>	+	+	+	—	—
	<i>Младшее</i>	+	+	+	—	((+))
Польский	<i>Старшее</i>	((+))	—	((+))	+	—
	<i>Младшее</i>	—	—	—	((+))	—
Русский	<i>Старшее</i>	—	—	((+))	—	((+))
	<i>Младшее</i>	—	—	((+))	—	+

Отношение местных жителей к известным им языкам обусловлено не только традицией и сферами их употребления, но и тем, что в официальных документах практически все жители ареала значатся поляками. Сейчас трудно выяснить мотивы такого этноопределения, но очевидно, что оно не имеет языкового основания. Наши информаторы-литовцы очень сбивчиво объясняют, почему они были названы (или назывались?) поляками. Остальные группы жителей убеждены, что поляки они потому, что являются католиками. Как бы там ни было, этническая (само?) отнесенность населения этого ареала к полякам представляет собой, видимо, серьезный результат полонизаторских тенденций предшествующего времени.

Местное название литовского населения – жыгуны; самоназвания они не имеют. По их словам, литовцы в Вильнюсе и далее на север говорят „па жмўйску“ (т. е. по-жмудски). На местном литовском говоре люди *dud'āna* (*dud'āna*) или *ūtar-iā* (реже). В настоящее время *kalba* ‘говорит’ и *kalbà* ‘язык’ для большинства наших информаторов означает ‘говорит по-литовски’, ‘литовский язык’; ранее это слово употреблялось только в сочетании *rōt'ēr-isus kal'b'ēc* ‘говорить катехизис’. Традиционный литовский говор наши информаторы квалифицируют как „испорченный“ язык: / pas mūs kalbà su-gaž'ínta / ‘у нас испорченный язык’; / mūs kalbà iš patvorōs kok'ōs / ‘наш язык из-под забора какого’ (Й. Смала); несомненно, это результат знакомства с литовским литературным. Положительное отношение к литовскому говору отмечено у всех лиц, посещавших литовскую школу и в настоящее время имеющих в Литве родственников (чаще всего, детей, внуков), читающих по-литовски, интересующихся культурной жизнью Литвы. Эти лица составляют своего рода местную „интеллигентную“ прослойку.

Лица, не говорящие по-литовски, единодушно квалифицируют его как „брýткі юзък“; как уже упоминалось выше, жены в смешанных семьях просто протестуют, когда их мужья говорят (или пытаются говорить) по-литовски. Дети в таких семьях литовского, как правило, не понимают абсолютно.

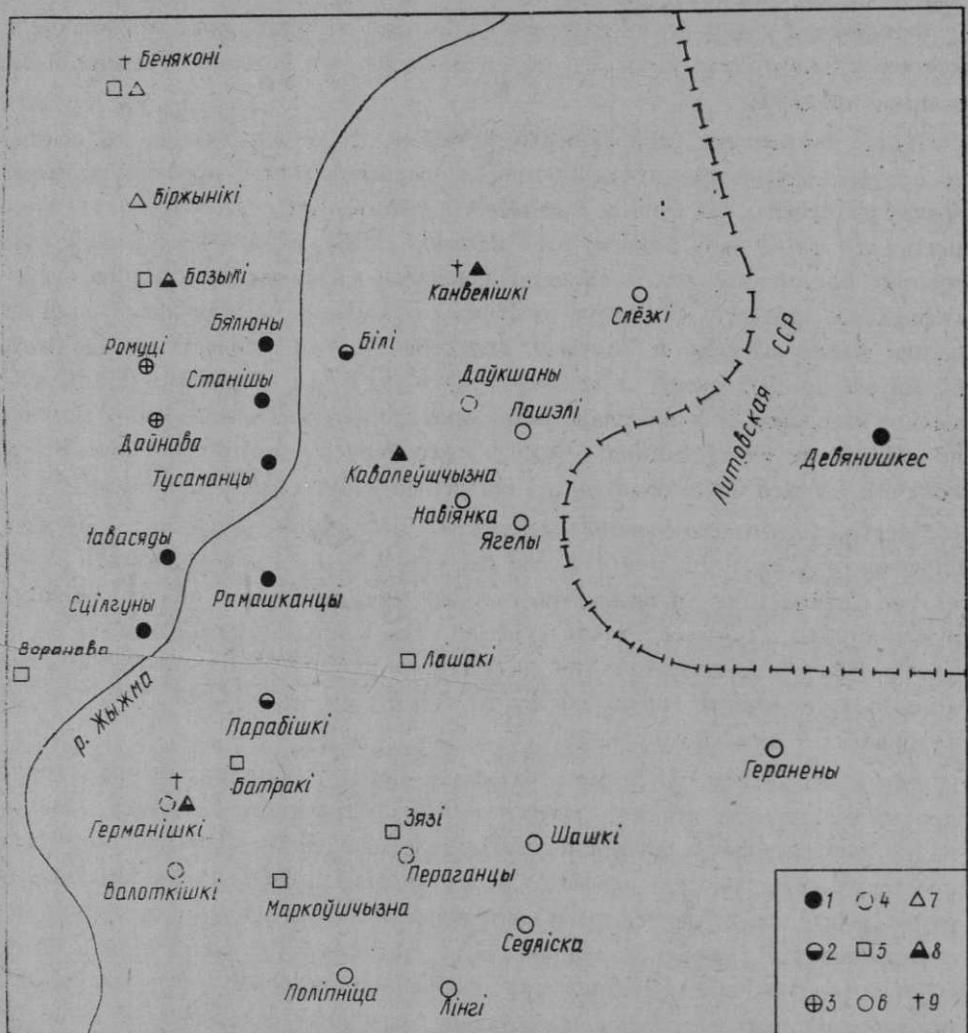
Фактически у всех групп населения отмечено отрицательное отношение к местному белорусскому говору, но проявляется оно в разной степени и по разным причинам.

Лица, считающие себя польскоязычными, т. е. владеющие польским, но в повседневной жизни пользующиеся преимущественно простым языком, трактуют просты как / *pól'sk'i m'ěščanu z b'ělorúsk'im/*, хотя и могут признать, что он / *v'ěncej podóbny na b'ělarúski/* (д. Бержини). Чем меньше они говорят по-польски, тем больше сомневаются в справедливости такой квалификации простого. / *i atkýda vž'áušys' takí jazýk/* – удивлялся один из наших информаторов. А подумав, сам себе ответил: / *póльscí am pal'ákaў, b'ělarúscí ad b'ělarúscáy, a prósty – ad l'udz'éj/* (д. Бержини). Польскоязычное население склонно очень резко противопоставлять польский и просты по сферам их употребления: / *l'už'i p'ě xco žéby po prostu do n'ix muv'il'i v kos'c'él'e / n'ěxcó do ks'ónza gádae' tak jak do króvy/* (д. Конвёлишки).

Местное литовскоязычное население „гаварыць па-просту“ передает словами / *dud'ān'c' gùž'iškai/*. Гудас же – / *n'ěj jis l'áŋkas n'ěi l'ietūv'u n'ěj... jis pác n'ěž'ino /* ‘ни он поляк, ни литовец, ни... он сам не знает’; / *jiě dokumentosá răšos...v'is'i l'ankái răšos / o jiě_g'i v'isai n'ěi p'irk'b'ěk l'áŋk'iškai/* ‘в документах они пишутся все поляки, а они совсем ни слова по-польски не умеют’ (досл. ‘в избу не говори им па-польски’, т. е. даже не здоровайся с ними по-польски).

Местные жители, говорящие только по-просту, склонны довольно четко противопоставлять просты литературному белорусскому – языку школы, радио, центральных и районной газеты, телевидения. По моим наблюдениям, это противопоставление основано не столько на фактах языка, сколько на самом факте (само)отнесенности к полякам. В доверительной беседе они могут признаться: / *jakíca мы pal'akí / мы i na pól'sku ne ýmějam/* (д. Гарманьшики). Местный польский они могут квалифицировать как „просты польски“, подчеркивая, что и местные поляки – не настоящие, а именно местные. По словам Ч. Казакá (Маркбвшизна), / *na pól'sku (поляки) jak 'avórač' / мы не раз'b'aróm / (они) na mazúrsku 'avórač'/*.

Как видим, типы отношений к местным говорам довольно точно коррелируют с особенностями их функциональной нагрузки и степенью распространенности. Литовский говор – наименее распространенный и функционально нагруженный – отрицательно маркирован у большинства жителей ареала, т. е. является абсолютно непрестижным. Просты язык, несомненно, положительно маркирован по отношению к литовскому, но явно не является высоким языком. На это место в престижной иерархии претендует польский, но позиции его явно подорваны из-за узкой сферы употребления и значительно меньшей распространенности, чем простого. Таким образом, просты является не только самым распространенным и самым функционально нагруженным языком в ареале, но и в системе престижных оценок он занимает самое прочное место, будучи нейтральным.

- 1 — деревни, в которых есть литовскоязычные семьи и несколько человек, говорящих по-литовски
- 2 — деревни, в которых есть отдельные лица, говорящие по-литовски
- 3 — деревни, где некоторые старики помнят литовские слова и могут произнести по-литовски отдельные фразы
- 4 — деревни, в которых есть некоторые лица старшего возраста, с трудом вспоминающие отдельные литовские слова
- 5 — деревни, где старшие люди помнят, что их родители или деды говорили по-литовски
- 6 — деревни, в которых на памяти старшего поколения не говорили по-литовски
- 7 — деревни, где есть отдельные семьи, в которых говорят по-польски
- 8 — деревни, где отдельные жители относительно свободно говорят по-польски
- 9 — костелы

В то же время, подчеркиваем, абсолютная непrestижность литовского говора обусловлена не столько его отношениями с белорусским (простым), сколько тем обстоятельством, что и литовский, и белорусский оказались

противопоставлены более престижному (особенно в недавнем прошлом) польскому языку. Именно поэтому и естественная, и целенаправленная полонизация приводила, в первую очередь, к ослаблению позиций литовского говора, но распространялся и укреплял свои позиции прежде всего белорусский, прости говор, который в ситуации З начал трактоваться как социолингвистически функциональный стиль польского.

Думается, изучение динамики социолингвистической ситуации в отдельных микроареалах литовско-белорусского пограничья поможет не только более реалистически реконструировать языковую историю этой зоны в целом, но и послужит своего рода лабораторией, позволяющей наглядно наблюдать самые интимные механизмы взаимодействия языков, а также процессы формирования этнического самосознания.

* * *

*

Изучение говоров рамашканского ареала было продолжено во время летних экспедиций 1984 и 1985 гг. В них участвовали, кроме автора статьи, студенты ВГУ Т. Войшинас, В. Чарнайте, Г. Чернайте (защитившие в 1986 г. дипломные работы, выполненные на основе собранных ими материалов), Е. Лекаркина, Е. Кальвенайте и канд. филол. наук. Л. Грумадене, научный сотрудник Института языка и литературы АН Литовской ССР. Искренне благодарим первого секретаря Вороновского районного комитета партии Н. И. Йоскевича и секретаря райкома Н. А. Попылина за помощь в организации этих экспедиций.

Литовский говор рамашканского ареала доживает свои последние годы. В 1983 – 1985 гг. умерли А. Мукледа, Б. Уткевич, С. Дудович; состарился и практически перестал говорить по-литовски Й. Смала; З. Войшинас-Валицкая все реже говорит по-литовски, поскольку она почти постоянно проживает в д. Лашаки; самому молодому носителю рамашканского говора В. Войшинасу в 1986 г. исполнилось 55 лет, по-литовски он говорит неохотно и с трудом. Только в семье З. и А. Войшинасов (Рамашканцы) еще изредка звучит литовская речь.

В большинстве деревень ареала (за исключением Переганцев и Навиянки) молодежи практически нет, поэтому актуальной является задача изучения местного белорусского говора, возникшего на литовском субстрате, и остатков польской речи.

V. ČEKMONAS

KALBU FUNKCIJONAVIMAS IR BILINGVIZMAS

(Ramaškonių tarmių pamatu)

Reziumė

Straipsnyje aprašyta sociolingvistinė situacija šiaurės rytiniame Baltarusijos TSR Voronovo (Varenavo) rajono plote ir, remiantis gyventojų pasakojimais, rekonstruojama šios situacijos istorija per paskutinius 100 – 150 metų. Parodyta, kad lenkų kalbos plitimasis buvo svarbiausia vietinės lietuvių tarmės nykimo priežastis.

V. ČEKMONAS

FUNCTIONING OF LANGUAGES AND BILINGUALISM

Summary

The sociolinguistic situation in the north-eastern part of the Voronovo District of the Byelorussian SSR is described, its history during the last 100–150 years is reconstructed. The author's considerations on the spreading of the Polish dialect as the main cause of vanishing of the traditional Lithuanian dialect in this area are presented.

ЛИТЕРАТУРА

- Видутирас А. Ю., Климчук Э. Д. Некоторые вопросы этноязыковых процессов на балто-восточнославянском пограничье // Этнолингвистические балто-славянские контакты в настоящем и прошлом: Предварительные материалы конференции 11–15 декабря 1978 г. М., 1978. С. 10–35.
- Вяэрніч В. А. Польскія перыдчарыйныя говоряі на ўсходзе // Польские говоры в СССР. Ч. 1: Материалы и исследования 1967–1969 гг. Мн., 1973. С. 5–22.
- Гаучас М., Видутирас А. Этнолингвистическая ситуация литовско-белорусского пограничья с конца XVIII по начало XX вв. // Geografiya. 1983. Т. 19. С. 26–73.
- Дыялекталагічны атлас беларускай мовы (ДАБМ). Уступныя артыкулы, даведчыя матэрыялы і каментары да карт. Мн., 1963. С. 59 (описание пункта 147).
- Судник Т. М. Диалекты литовско-славянского пограничья (Очерки фонологических систем). М., 1975.
- Успенский Б. А. Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка. М., 1983.
- Швейцер А. Д., Никольский Л. Б. Введение в социолингвистику. М., 1978.
- Broch O. Zum Litauischen südlich von Vilna // Norsk Tidsskrift for Språkvidenskap. 1958. Т. 19. С. 1–71.
- Lipskienė J., Vidugiris A. Dieveniškių tarmė // Lietuvių kalbotyros klausimai: Lietuvių kalbos gramatinė sandara. V., 1967. – Т. 9. Р. 183–222.
- Ochmański J. Litewska granica etniczna na wschodzie od epoki plemennej do XVI wieku. Warszawa, 1981.
- Šukys J. Būdingesnés Ramaškoniu tarmės ypatybės // Lietuvių kalbotyros klausimai. V., 1960. Т. 3. Р. 177–190.
- Vidugiris A. Kai kurios Zietelos tarmės ypatybės // Lietuvių kalbotyros klausimai. V., 1959. Т. 2. Р. 195–213.
- Zinkevičius Z. Lietuvių dialektologija. V., 1960.